

ОДИННАДЦАТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМА РОБЕРТА МЕРТОНА

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — кандидат философских наук, старший преподаватель социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наил постоянный автор.

Доказывать, что Роберт Кинг Мертон принадлежит к числу классиков современной социологии, — значит заниматься заведомо тривиальным делом. Выдающийся вклад Р. Мертона в формирование социологии XX в. не только никем не оспаривается, но и подтверждается с каждым новым «поворотом» и «изломом» в развитии социальной теории. Недавно вышедший в свет объемистый юбилейный том: «Роберт К. Мертон. Согласие и споры» [1] лишний раз подтверждает непреходящий характер функционализма. Разумеется, западная социология не стоит на месте, и за те 40 с лишним лет, которые прошли после первой публикации «Социальной теории и социальной структуры» (1949), функционализм не только видоизменился, но и порядком усовершенствовался, в том числе и усилиями самого Р. Мертона.

Как бы ни складывались судьбы «мертонианства» после 1949 г. на Западе, ныне для нас было бы весьма важно взглянуть на катехизис функционализма глазами современного российского читателя, изнемогающего под грузом еще не преодоленных идеологических клише, от которых он всей душой стремится избавиться, но не знает как этого, в сущности, достичь. И тогда 700-страничный фундаментальный том, почти фолиант, одним своим неисчерпаемым объемом навевающий священный трепет на студентов и аспирантов, может раскрыть особые внутренние качества, делающие его своеобразным пособием для осмысления нашей действительности во всей ее кажущейся и подлинной сложности. Мертоновская «Социальная теория и социальная структура» обладает по крайней мере одним замечательным качеством, делающим ее столь соответствующей нашей ситуации «здесь» и «сейчас». Она имеет удивительное свойство стабилизировать читателя-социолога во времени и пространстве, если понимать под первым и вторым сетку смысловых координат и ценностных ориентиров.

Как социальный мыслитель и автор «Социальной теории и социальной структуры», Р. Мертон исподволь внушает своим читателям и последователям некий свод методологических правил и теоретических установлений, которые несказанно помогают найти точку отсчета и точку опоры в период господства хаоса и безвременья. Простота и ясность функционалистской мысли Р. Мертона, ее ориентация на научность, доказательность, простоту интерпретаций и вместе с тем многогранность рассмотрения фактов — все это делает «Социальную теорию и социальную структуру», можно сказать, оптимистической антитезой декадансу советского постмарксизма, а равно и западного постмодернизма.

К тому же социологическое видение Р. Мертона, начисто лишенное черт убаюкивающего гуманизма а Ia Фромм, изначально гуманистично своей функциональной, почти «медицинской» определенностью в диагнозе того или иного социального явления. В конце концов те, кто желают получить мнение врача, вольны обращаться к Мертону. Всем остальным — добро пожаловать к проповедникам от социологии, к числу которых Мертон никак не принадлежит.

Однако какие же методологические «инструменты» применяет основатель функционализма в своем анализе?

Прежде всего принцип социологической «теории среднего уровня». В этом понятии нет ничего нового для русскоязычного читателя. Каждый мало-мальски грамотный

отечественный социолог знает, что «Мертон — отец теории среднего уровня». При всем том попробуем несколько внимательнее присмотреться к общесоциологическому или даже философскому смыслу этого изобретения.

Свое краткое определение «теорий среднего уровня» (ТСУ) Р. Мертон формулирует следующим образом: это «теории, находящиеся в промежуточном пространстве между частными, но тоже необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающими в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений» [2, р. 39]. Нельзя сказать, что эта дефиниция блещет своей образностью и полной доходчивостью. И тем не менее, она дает важную предпосылку для понимания мировоззренческого подхода Р. Мертона к осмыслению социальной реальности.

В сущности, речь идет о том, что специфика социологии как науки с особым видением социального мира по преимуществу, а быть может, и исключительно выражается в той неповторимой «локализации» социологии в «промежуточном пространстве», располагающемся между чисто эмпирическими рабочими гипотезами и социально-философскими теориями социума «вообще».

Здесь необходимо высказать одно существенное лингвистическое замечание, имеющее прямое отношение к пониманию термина «теории среднего уровня» (theories of the middle range). Дело в том, что русский аналог «теории среднего уровня» неизбежно грешит чертами вертикальной иерархичности и христианской символической смыслонаделенности. «Наверху» — высшие абстрактные теории, «внизу» — ползучий эмпиризм, а социологические теории — где-то между «небом» и «землей». Это в корне противоречит мысли Р. Мертона, который намеренно употреблял термин "range" («размах»), «область захвата», «радиус действия»), а отнюдь не менее распространенный термин «level» («уровень»). Таким образом, правильно было бы назвать концепцию Р. Мертона «теориями среднего радиуса действия».

Если согласиться с этим разъяснением, то становится понятным, что Р. Мертон вовсе не противопоставлял общие теории рабочим гипотезам и не увязывал ТСУ с каким-то срединным положением. Каждый тип указанных теорий имеет свою «зону охвата», подчас «накладываясь» друг на друга. Между тем, едва ли имеет смысл менять уже прочно устоявшийся термин. Его можно сохранить, но учитывая исходные позиции самого Р. Мертона.

Локализация ТСУ, разработанная Р. Мертоном, обладает целым рядом привлекательных свойств, среди которых можно отметить: — возможность сохранить теоретическую «научность», избегая при этом неизбежного метафизического и мировоззренческого груза общего социально-философского учения;

— тесную связь с «человеческой реальностью», которая ни при каких обстоятельствах не уходит из поля зрения ТСУ, оставаясь «живой», несконструированной, отражающей практические проблемы людей;

— смысловую и понятийную наглядность ТСУ, демонстрирующие свою инструментальность и убедительность в глазах менеджеров и социальных исследователей несоциологического профиля.

К числу ТСУ Р. Мертон относил такие известные социологические концепции, как теории «референтных групп», «социальных ролей», «социальных-статусов» и др.

В самом деле, если встать на позиции Р. Мертона, то легко сразу же почувствовать твердую почву под ногами, а заодно и уверенно ответить на вопрос «Что есть социология?». Это именно та социальная наука, которая оперирует теориями среднего радиуса охвата, концентрирующими в себе факторы реального управления социальными процессами с учетом конкретных эмпирических исследований и отвергающими метафизические претензии на всеохватность и полнейшую универсальность.

Разрабатывая концепцию ТСУ, Р. Мертон поместил в ее основание понятие «функциональность», которая как раз и рассматривалась им в качестве главного выражения социологического анализа. При этом классик американской социологии выделил три ключевых постулата функционального анализа:

«*постулат функционального единства*» — единство теоретического видения общества заключается не в общей теории этого общества (веберовском «идеальном типе?»), а в бесконечной глубине социального факта; именно факты, благодаря своей функциональной определенности, заключают в себе мощную потенцию интегрирования социальной жизни;

«*постулат универсальности функционализма*» — все существующие формы культуры неизбежно несут в себе функциональные свойства, требующие кодифицирующего аналитического исследования;

«*постулат принудительности*» — определенные функции обладают «принудительностью», что приводит к функциональной детерминированности всех общественных институтов, но, в свою очередь, отнюдь не отвергает возможности существования «функциональных альтернатив, эквивалентов и заменителей» [2, р. 90].

В связи с этим постулированием Р. Мертон и предпринимает воодушевленную попытку создать парадигму функционального анализа намечающей рамки теории, ее основные смысловые «узлы» и принципы построения. С известной условностью можно образно назвать принципы построения теории «одинадцатью заповедями» функционального анализа Р. Мертона.

Заповедь первая. Функциональный анализ базируется только на рассмотрении стандартизированных объектов. Функциональным объектом могут стать повторяющиеся и типовые социальные явления (социальные роли, институциональные объекты, социальные процессы, средства социального контроля, социальные структуры и т.д.).

Заповедь вторая. Функциональный анализ при некоторых обстоятельствах подразумевает включение в сферу исследования субъективной мотивации, называемой «субъективной диспозицией». В отличие от объективных следствий тех или иных общественных взглядов, верований и поведения, «субъективная диспозиция» может также входить в определение функции.

Заповедь третья. Объективные следствия составляют главное содержание функции. При этом требуется рассматривать как (а) существование множественности функциональных последствий, так и (б) итоговый баланс агрегированных последствий. Рассмотрение совокупности следствий подводит к определению социальной функции.

Функциями надо считать те наблюдаемые следствия, которые служат саморегуляции данной системы или приспособлению ее к среде. Одновременно дисфункцией надо считать те наблюдаемые следствия, которые ослабляют саморегуляцию данной системы или ее приспособление к среде. Кроме того, существует эмпирическая возможность возникновения антифункциональных последствий, которые просто иррелевантны (случайны, нетипичны, произвольны) рассматриваемой системе.

В том случае, когда внутренняя смысловая мотивация совпадает с объективными следствиями, мы имеем дело с ясной функцией, которая осознается таковой участниками поведенческой системы или ситуации. Скрытая функция не планируется и не осознается участниками.

Заповедь четвертая. Функция «обслуживает» агрегированный объект и тем самым выражает свою специфику. Иначе говоря, функция соотносится с системой как единством. При этом элементы системы могут не соответствовать данной функции, но значение имеет ориентация функции на систему как целое. Такой принцип можно назвать «фокусированием» функции.

Заповедь пятая. Функция принудительно предъявляет требования, проистекающие от системы, всем вовлеченным переменным. Этого требует принцип выживания и сохранения системы, функции соотносимые с системой, удовлетворяют данную потребность системы.

Заповедь шестая. Каждая функция имеет «механизм» своего действия. К числу подобных механизмов можно отнести, например, сегментирование социальных ролей, иерархирование ценностных ориентаций, общественное разделение труда, ритуальные и церемониальные отправления и т.п.

Заповедь седьмая. Функция может раскрывать себя через альтернативы, функциональные эквиваленты и функциональные заменители. Каждая функция вполне допускает

возникновение альтернативных способов своего самораскрытия, что ставит вопрос о существовании области возможной вариативности функции.

Заповедь восьмая. Область вариативности функции не безгранична — вариативность лимитируется требованиями структурного контекста. Тесная взаимозависимость элементов социальной структуры серьезно ограничивает возможность развития или альтернативного функционирования. Игнорирование этого принципа ведет к социальному утопизму, согласно которому отдельные элементы и функции могут элиминироваться без ограничения и без оказания влияния на всю систему в целом.

Заповедь девятая. Функциональный анализ не делает упора на статике; понятие дисфункции открывает простор для динамического «измерения» структуры. Это всякого рода социальные напряженности, стрессы, конфликты, ведущие к социальным изменениям.

Заповедь десятая. Функциональный анализ ставит проблему валидности исследования, которая зависит не только от собственной логики исследования, но и от систематизированного обзора всех возможностей и ограничений кросс-культурного и кросс-группового анализа.

Заповедь одиннадцатая. Функциональный анализ может играть идеологическую роль. Хотя он не имеет изначально присущей идеологичности, некоторые функционалистские теории и некоторые функционалистские гипотезы демонстрируют свою идеологическую (мировоззренческую) значимость и соответствующую ориентацию исследователей. Вне-социологические и нефункциональные факторы (например, скрытое¹ желание заказчика того или иного исследования) влияют на исследователя.

Свод заповедей Р. Мертона весьма примечателен сам по себе. Лишенные нарочитой афористичности и многозначительности, «заповеди» постепенно выстраивают достаточно радикальную для своего времени парадигму функционализма, в которой не подчеркивается собственно социологическое содержание, а делается упор на ее общенаучную направленность. Из этого вовсе не следует, что функционализм Р. Мертона не вполне социологическая теория. Напротив, Р. Мертон стремится поднять социологию до уровня научности, показывая, что социологический функционализм согласуется с общенаучным подходом к реальности.

Помещаемая в первом русском переводе глава «Социальная структура и anomia» из книги Р. Мертона «Социальная теория и социальная структура» как раз и служит прекрасным примером того, как «одиннадцать заповедей» функционального анализа накладываются на исследование и интерпретацию различного рода сложных, даже болезненных общественных явлений.

Разумеется, не следует абсолютизировать всеобщей значимости функционального анализа, превращая его в теорию «на все времена» (этого нельзя делать ни с одной теорией). Более того, многие современные исследователи, даже такие выдающиеся, как Энтони Гидденс, признавая вклад Р. Мертона в социологическую теорию, ставят под сомнение применимость функционального принципа к социологии в мертоновском понимании [1, р. 101 — 104]. Это, однако, не меняет существа дела в целом, ибо главный смысл «одиннадцати заповедей» и всех остальных, весьма многочисленных понятий функционализма состоит в их, можно сказать, стабилизационном значении для развития социологического мышления. Согласно терминологии самого Р. Мертона, это не что иное, как «идеологическая» роль, которую играет теория. Что же, пусть так. Но в известных социальных условиях дестабилизации именно эта «идеологическая» (или нравственно-психологическая) роль оказывается крайне важной для выживания социологии как социальной науки и сохранения самоуважения социологов как ученых. Если теория функционального анализа Р. Мертона способна стать фактором стабилизации то это лишь подчеркнет ее историческое значение, несмотря на возможные спорные моменты и архаизмы, содержащиеся в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Robert K. Merton: Consensus and Controversy /Ed. by J. Clark, C. Modgil. London, New York. Falmer Press, 1990.
2. Merton R. Social Theory and Social Structure. New York, London: Enlarged edition, 1968.